

Се Чубо опустил взгляд на босые ноги Линь Чэня:

— Не холодно?

Сознание Линь Чэня вернулось, и его взгляд с трудом оторвался от погруженной во мрак глубины чужих глаз, в мгновение ока возвратившись к своему обычному холодному и отрешенному выражению.

— Не холодно, — Линь Чэнь отступил в сторону. — Хочешь зайти посидеть?

— Да.

Се Чубо снял кепку и вошел в комнату.

Линь Чэнь закрыл дверь:

— Подожди секунду.

Сказав это, он ушел обуть тапочки и вернулся.

Се Чубо с трудом сдержал улыбку:

— Разве не холодно?

Линь Чэнь ничего не ответил. При тусклом свете лампы на нем была надета лишь тонкая темная пижама. Судя по всему, он только-только проснулся: пушистые каштановые пряди слегка растрепались, а черная оправа очков на переносице почему-то придавала ему сугубо студенческий вид, начисто смывая прежнюю пресную и холодную отчужденность.

Какое-то никогда прежде не испытанное, странное и неуловимое чувство само собой зародилось на самом дне души.

Се Чубо стоял без движения, молча разглядывая его несколько секунд.

Помолчав с мгновение, Се Чубо заговорил первым:

— Слышал от брата У, что ты взял сценарий режиссера Фана?

— Вчера утвердили, — невпопад бросил Линь Чэнь. Удивленный тем, с какой стати Се Чубо вообще заглянул к нему, он спросил: — У тебя... ко мне дело?

Се Чубо ответил ровным тоном:

— Узнал, что ты приехал в Хэньдянь, зашел проведать.

Говорил он спокойно, но на душе у него было совсем не так.

Являться сюда среди глубокой ночи — по правде говоря, он и сам не мог бы объяснить причину. Быть может, всё дело в том, что они были товарищами по группе и оба находились в Хэньдяне, а может, им двигал лишь заложенный в самой его природе импульс хоть взглянуть на Линь Чэнь.

Линь Чэнь дважды угукнул и повернулся в поисках чашки:

— Будешь воду?

— Не нужно.

Се Чубо опустил взгляд на серебристо-серые часы на запястье:

— Поздно уже, я пойду.

Вот так просто уйдет?

Линь Чэнь смотрел, как тот снова надел ту самую чисто-черную бейсболку, надвинув козырек пониже. Добравшись до двери и взявшись за ручку, Се Чубо внезапно повернул голову, и в тени от козырька пара его темно-угольных глаз изогнулась едва заметным полукружьем.

— Выпись как следует.

С этими словами он развернулся и ушел, быстро растворившись за пеленой видимости.

Се Чубо появился внезапно и точно так же внезапно исчез.

Проводив взглядом удаляющуюся спину, Линь Чэнь счел происходящее полнейшей белибердой.

Он вернулся на балкон, поднял упавший на пол сценарий и уже собирался дочитать оставшиеся страницы, но неизвестно почему — после учиненной Се Чубо заминки — сосредоточиться уже не получалось. Пришлось оставить эту затею и отправиться в спальню спать.

Лёжа на кровати, он задрал голову, глядя на ночной светильник под потолком.

Мягкий свет странным образом напоминал ту самую едва уловимую улыбку Се Чубо перед уходом.

Глава 9

Возвращение в Цзянцзинскую виллу, стоявшую вдали от шумных городских кварталов, затянулось почти до полуночи.

Се Чубо щелкнул выключателем в ванной. Яркий свет залил помещение, и в зеркале отразилось лицо с резкими чертами и глубокими черными зрачками — такой взгляд из-под исподлобья неизменно создавал впечатление человека сурового, холодного и трудного в общении.

Опустив ресницы, Се Чубо вглядывался в собственные темные, тяжелые глаза в зеркале, а мысли невольно уносились на два года назад.

Два года назад съемки шоу «Следующая остановка — идол» подошли к этапу отбора девяти участников в семерку. Линь Чэнь, на чей выход в финал мало кто ставил, неожиданно для всех удержался на проекте под седьмым номером и тем же вечером переехал в общежитие к Се Чубо.

В тот момент Се Чубо как раз наводил порядок в комнате, когда за спиной внезапно раздался голос:

— Привет, я Линь Чэнь. Съёмочная группа велела мне переехать сюда, впредь рассчитываю на твое руководство.

Тогда Линь Чэню было всего девятнадцать, лицо еще хранило детскую, юношескую мягкость. Когда он появился на пороге с вещами, на лице успешно прошедшего отбор парня не было и тени радости — чистые и ясные брови неизменно хмурились.

Казалось, его собственное отношение тогда было до крайности холодным. Бросив на новичка мимолетный взгляд и без всяких эмоций издав какое-то угуканье, он указал на уже застеленную кровать и бросил:

— Будешь спать на этой.

Быть может, именно такое поведение заставило и без того неуверенного в себе Линь Чэня решить, что возвышающийся над ним Се Чубо смотрит свысока на таких пустышек, у которых нет никаких способностей и которые выезжают исключительно за счет мордашки.

Соседство длилось недолго — всего жалкие две недели.

И за весь этот срок сказанных друг другу слов едва ли наберется с десяток.

Две недели спустя этап отбора пяти участников из семи подошел к концу, и Линь Чэнь вновь неожиданно закрепился на пятой строчке, после чего их совместное с Се Чубо проживание официально подошло к концу.

В тот вечер, когда Линь Чэнь, упаковав багаж, уже выходил за дверь, он вдруг обернулся на Се Чубо и с совершенно непонятным видом бросил:

— Извини, что стеснял тебя столько времени.

Зачем он это сказал, Се Чубо не понимал.

Но отвечать ничего не стал — лишь легко кивнул и бросил напоследок:

— Поздравляю с прохождением дальше.

Дата начала съемок была назначена на двадцать восьмое апреля. Благоприятный день для жертвоприношений, молитв о благополучии, открытия лавок и привлечения богатства.

До старта съемок оставалось еще три дня, и Фан Линь, разумеется, не собирался давать актерам расслабляться — он попросту арендовал чайную комнату и организовал читку сценария.

Нин Цинчжи и Ци Минцянь в ролях главных героев исполняли больше всего совместных сцен, так что львиную долю времени реплики зачитывали они вдвоем, тогда как у Линь Чэня, игравшего третью мужскую роль, работы пока не было.

В уединенной и тихой обстановке чайной Линь Чэнь сидел в самом углу, молча прислушиваясь к тому, как Ци Минцянь обсуждает с Фаном Линем правку нелогичных и несогласованных реплик в сценарии.

И хотя сам он испытывал к Ци Минцяню антипатию, нельзя было отрицать: тот удерживался в первом эшелоне звезд уже семь лет, и его профессиональные навыки не вызывали сомнений — глубокое понимание материала, а попадание в эмоциональный тон реплик оказывалось безупречным.

Пока он слушал, в дверь чайной постучали. Вэй Сяолун, зажав в руке телефон, боязливо высунул голову внутрь и тихо позвал:

— Линь-гэ, звонит генеральный директор У, говорит, есть дело.

У Юйгуан?

Линь Чэнь нахмурился, извинился перед Фан Линем и поднялся, направляясь к выходу.

Фан Линь отличался суровым нравом и категорически не терпел, чтобы во время читки сценария кто-то отвлекался на звонки или постороннюю суету, поэтому от актеров жестко требовали выключать телефоны.

У Юйгуан наверняка не смог дозвониться до него напрямую, раз отыскал Вэй Сяолуна.

Отойдя подальше от чайной, Линь Чэнь взял у Вэй Сяолуна трубку и прижал к уху:

— Брат У?

— Линь Чэнь, твой дядюшка у меня.

Не успел У Юйгуан договорить, как из трубки донесся пронзительный вопль Чэнь Мина:

— Линь Чэнь! Как ни крути, я твой дядя, а ты взял и заблокировал мой номер?! Совсем отрастил крылья и теперь смотришь на меня свысока, да? И это после того, как я столько лет тебя растил?! Ни капли совести!

Чэнь Мин истошно бранился без остановки. Линь Чэнь слушал с бесстрастным лицом, а несколько минут спустя — после того, как У Юйгуан, видимо, что-то сказал Чэнь Мину, — на том конце провода воцарилась тишина.

Линь Чэнь с облегчением выдохнул:

— Если больше ничего, я вешаю трубку.

— Погоди, — остановил его У Юйгуан. — Как устроился в съемочной группе?

— Нормально, — отозвался Линь Чэнь.

— Вот и отлично. Кстати, заодно сообщаю: на середину мая запланированы съемки рекламы, я

уже всё уладил. Скажешь потом режиссеру Фану, возьмешь пару дней отгула и вернешься.

У Юйгуан заговорил довольным тоном:

— Пусть это всего лишь маленькая реклама, но начало положено хорошее.

И правда: стоит человеку прославиться, как набегают шакалы — стоило угодить в пару трендов, как тут же почуявшие запах наживы дельцы стали один за другим предлагать сценарии и рекламные контракты.

У Юйгуан был способен подписать его даже на мерзкую роль злодея-мужчины, способную испортить репутацию в глазах публики, так что и реклама, о которой он толковал, вряд ли отличалась высоким качеством.

Прикинув это про себя, Линь Чэнь невзначай поинтересовался:

— Что за реклама?

— Обруч для похудения, — ответил У Юйгуан.

Линь Чэнь: «.....»

Поистине великолепная реклама.

— Ладно, занимайся своими делами. Что касается твоего дядюшки... он тут рвался в Хэньдянь разыскивать тебя, но я его придержал. Если бы он заявился к тебе напрямую, хлопот было бы не обернуться.

У Юйгуан со смыслом хмыкнул:

— Линь Чэнь, веди себя послушно и работай на совесть, мы с компанией тебя не обидим.

В этих словах сквозило и желание приписать заслуги себе, и скрытая угроза. Линь Чэнь прекрасно понимал, к чему клонит У Юйгуан, поэтому лишь тускло отозвался:

— Понял, спасибо, брат У.

Больше У Юйгуан ничего не добавлял и напоследок лишь бросил напоминание: «На съемочной площадке держись с Фаном Линэем попроще, ублажай его», после чего отключился.

Вернув телефон Вэй Сяолуну и справившись с неприятным осадочным чувством, оставшимся после звонка Чэнь Мина, Линь Чэнь с безмятежным видом вернулся в чайную.

Читка сценария временно прервалась. Посередине комнаты стоял чайный столик в ретро-стиле: Фан Линь лично заваривал для всех чай, попутно просвещая присутствующих насчет истории этого сорта под названием Юнь Инчжэнь — «Серебряные иглы в облаках и тумане». Расположившись вокруг чайного столика, все слушали с предельным вниманием.

Заметив возвращение Линь Чэня, Нин Цинчжи махнула ему рукой и тихонько позвала:

— Садись ко мне, подвинься.

С этими словами она чуть сдвинулась вбок, отесняя Ци Минцзя и как раз высвобождая свободное местечко.

На лице Ци Минцзя отчетливо проступило раздражение.

Причем причиной тому было вовсе не то, что Нин Цинчжи потеснила его — он просто на дух не переносил Линь Чэня.

Сделав вид, будто ничего не заметил, Линь Чэнь бросил благодарное слово и опустился рядом с Нин Цинчжи. Фан Линь тут же протянул ему чашку:

— Попробуй-ка, это свежий чай нынешнего года, я специально заказывал.

Приняв чашку обеими руками, Линь Чэнь поблагодарил:

— Спасибо, режиссер Фан.

Будучи режиссером, Фан Линь слыл человеком суровым и консервативным, но в то же время умел ценить талант. Он обожал одухотворенную, искреннюю игру, и ему было абсолютно неважно, значится ли актер в списках звезд первого эшелона, второго или болтается где-то в самом низу — он всегда был готов протянуть руку помощи.

Так совпало, что импровизация Линь Чэня пришлась ему по душе. Поэтому на площадке все видели: Фан Линь к нему благоволит.

Даже эта чашка чая досталась ему не просто так: среди присутствующих на читке артистов добрая половина пользовалась куда большей популярностью, чем Линь Чэнь. И тем не менее, после Ци Минцзя и Нин Цинчжи он оказался третьим, кому досталось угощение — даже исполнители второй главной роли и второй героини не удостоились подобной чести.

Над чашкой поднимался тонкий пар. Ловя на себе множество оценивающих взглядов, Линь Чэнь сделал глоток: чай слегка вязал во рту, но оставлял сладковатое послевкусие. Даже по многолетнему опыту старого любителя чая этот настой заслуживал высшей похвалы — сырье оказалось отменным, да и мастерство заварки у Фан Линя было на высоте.

Чаепитие продлилось около получаса, после чего Фан Линь велел официанту убрать чайные принадлежности и объявил второй круг читки.

Первая половина сценария состояла по большей части из диалогов Ци Минцзя и Нин Цинчжи. Поначалу Линь Чэню, изображавшему младшего брата соседей главной героини, отводилось не так уж много места, но ближе к середине и концу его партии увеличивались. Правда, там преобладали психологические сцены и внутренние монологи, которые трудно передать одними лишь репликами, что предъявляло завышенные требования к актерскому мастерству.

Самый мощный эмоциональный взрыв у героя Линь Чэня происходил в тот момент, когда героиня обнаруживала, что Юй Цэнь, которого она всегда воспринимала исключительно как младшего брата, на самом деле тайком влюблен в нее. У Линь Чэня была длиннейшая сцена излияния чувств объемом в добрую сотню знаков. Смена эмоциональных оттенков в тексте шла одна за другой: от страха перед разоблачением сокровенной тайны до испуганного оправдания и, наконец, до полного краха и надломленных, сорванных с катушек вопросов — всего сотня с небольшим знаков, но сколько же поворотов скрывалось за каждым переживанием.

<http://bllate.org/book/28310/3422067>